

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ В БОРЬБЕ ООН С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

© 2022 г. Р. В. Нигматуллин^{1, *}, Р. Р. Сулейманова^{1, **}, Е. В. Насырова^{2, ***}

¹Башкирский государственный университет, г. Уфа

²Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

*E-mail: nigm2004@mail.ru

**E-mail: suleimanova514@mail.ru

***E-mail: klelia_1982@mail.ru

Поступила в редакцию 15.04.2022 г.

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Организации Объединенных Наций по борьбе с международным терроризмом на протяжении длительного периода. Рассмотрены причины, препятствующие формулированию общепризнанного определения «международный терроризм». Авторы выделили основные тенденции развития международного терроризма, сформировавшиеся к концу XX – началу XXI в. Особое внимание уделено переоценке опасности терроризма после террористических актов, совершенных Аль-Каидой в США 11 сентября 2001 г. Проведен анализ изменения концептуальных и организационных подходов ООН к борьбе с терроризмом. Авторами сделан вывод, что принятие в 2006 г. Глобальной контртеррористической стратегии ООН ознаменовало собой новый этап в борьбе с международным терроризмом. Проанализированы важные особенности современного терроризма, повлекшие изменения в тактике международных террористических организаций, в первую очередь Аль-Каиды и ИГИЛ. Анализ контртеррористических действий правоохранительных органов Западной Европы позволил авторам сформулировать вывод об их недостаточности. Авторы обращают внимание на необходимость совершенствования антитеррористической деятельности государств в условиях пандемии COVID-19 и призывают государства к сотрудничеству в рамках Глобального договора ООН по координации контртеррористической деятельности.

Ключевые слова: ООН, международный терроризм, стратегия, Контртеррористическое управление, Аль-Каида, ИГИЛ, организованная преступность, права человека, террористическая сеть, кибертерроризм.

Цитирование: Нигматуллин Р.В., Сулейманова Р.Р., Насырова Е.В. Современные тренды в борьбе ООН с международным терроризмом // Государство и право. 2022. № 10. С. 176–183.

DOI: 10.31857/S102694520022608-9

MODERN TRENDS IN THE UN FIGHT WITH INTERNATIONAL TERRORISM

© 2022 R. V. Nigmatullin^{1, *}, R. R. Suleymanova^{1, **}, E. V. Nasyrova^{2, ***}

¹Bashkir State University, Ufa

²Russian State University for the Humanities, Moscow

*E-mail: nigm2004@mail.ru

**E-mail: suleimanova514@mail.ru

***E-mail: klelia_1982@mail.ru

Received 15.04.2022

Annotation. The article examines the activities of the United Nations in the fight against international terrorism over a long period. The reasons preventing the formulation of the generally accepted definition of “international terrorism” are considered. The authors identified the main trends in the development of international terrorism, formed by the end of the XX – beginning of the XXI century. Special attention is paid to the reassessment of the danger of terrorism after the terrorist acts committed by Al-Qaeda in the United States on September 11, 2001. The analysis of changes in the conceptual and organizational approaches of the UN to the fight against terrorism is carried out. The authors conclude that the adoption of the UN Global Counter-Terrorism Strategy in 2006 marked a new stage in the fight against international terrorism. The important features of modern terrorism that have led to changes in the tactics of international terrorist organizations, primarily Al-Qaeda and ISIS, are analyzed. The analysis of counter-terrorism actions of law enforcement agencies in Western Europe allowed the authors to formulate a conclusion about their insufficiency. The authors draw attention to the need to improve the anti-terrorist activities of states in the context of the COVID-19 pandemic and call on states to cooperate within the framework of the UN Global Compact for the Coordination of Counter-Terrorism Activities.

Key words: UN, international terrorism, strategy, Counter-Terrorism Management, Al-Qaeda, ISIS, organized crime, human rights, terrorist network, cyberterrorism.

For citation: Nigmatullin, R.V., Suleymanova, R.R., Nasyrova, E.V. (2022). Modern trends in the UN fight with international terrorism // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 10, pp. 176–183.

Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш, выступая 22 сентября 2020 г. на юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи с Докладом о работе Организации Объединенных Наций в 2019 г., подчеркнул, что транснациональная организованная преступность, коррупция и терроризм по-прежнему представляют собой серьезные угрозы во всем мире¹. Необходимо признать, что Организация Объединенных Наций находится в авангарде разработки международной нормативно-правовой базы для борьбы с терроризмом во всех его проявлениях². Сегодня эта база включает в себя 16 международных соглашений (13 контртеррористических конвенций и три протокола), которые открыты для участия всех государств-членов. Среди них конвенции о преступлениях против безопасности гражданской авиации, Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (Нью-Йорк, 14.12.1973 г.); Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (Нью-Йорк, 17.12.1979 г.); Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (Нью-Йорк, 16.12.1997 г.); Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (Нью-Йорк, 09.12.1999 г.); Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (Нью-Йорк, 13.04.2005 г.) и др.

В настоящий момент универсальная международная организация, объединяющая 193 государства, имеет стройный, сбалансированный на всех уровнях, организационно-управленческий механизм, позволяющий координировать усилия всех государств – членов ООН и значительного числа международных организаций по борьбе с терроризмом.

Между тем человечество не заявляет о скорой и быстрой победе над международным терроризмом. В чем причина отсутствия явного оптимизма? Ключевой проблемой, препятствующей полномасштабному объединению государств в борьбе с терроризмом, является отсутствие общепризнанного на

уровне универсального международного договора определения «международный терроризм». Как следствие, это препятствует формированию общепринятых определений «информационный терроризм», «кибертерроризм», «террористическая деятельность». Истоки этой проблемы лежат в XX в. По мнению многих исследователей, это связано с различной трактовкой национально-освободительного движения западными странами. К этому добавилось желание использовать сложные, порой деструктивные явления жизни в решении конкретных, иногда сиюминутных задач. Вместе с тем зарубежные ученые признают необходимость объективного определения терроризма, при этом уточняя, что оно должно быть основано на принятых международных договорах, касающихся того, какое поведение разрешено в обычных войнах между государствами³. Представляется, что такой подход служит определенной легитимизации международных террористических организаций.

Начиная с 1972 г., с момента создания Специального комитета по вопросам международного терроризма⁴, мировое сообщество пытается решить проблему определения этого межгосударственного зла. В Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 49/60 1994 г. зафиксировано определение терроризма, воспринятое мировым сообществом: «Преступные акты, направленные или рассчитанные на создание обстановки террора среди широкой общественности, группы лиц или конкретных лиц в политических целях, ни при каких обстоятельствах не могут быть оправданы, какими бы ни были соображения политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или любого другого характера,

¹ См.: Доклад Генерального секретаря ООН о работе. URL: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/A_74_1_R.pdf (дата обращения: 26.03.2021).

² См.: Доклад Генерального секретаря ООН «Деятельность системы Организации Объединенных Наций по осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций». URL: <https://undocs.org/ru/A/70/826> (дата обращения: 26.03.2021).

³ См.: Boaz Ganor (2002) Defining Terrorism: Is One Man's Terrorist another Man's Freedom Fighter? *Police Practice and Research*, 3:4, 287–304. DOI: 10.1080/1561426022000032060. Available at: <https://doi.org/10.1080/1561426022000032060>. P. 288.

⁴ См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи 3034 (XXVII). Меры по предотвращению международного терроризма, который угрожает жизни невинных людей или приводит к их гибели, или ставит под угрозу основные свободы, и изучение коренных причин этих форм терроризма и актов насилия, проистекающих из нищеты, безысходности, бед и отчаяния и побуждающих некоторых людей жертвовать человеческими жизнями, включая и свои собственные, в стремлении добиться радикальных перемен. URL: <https://www.un.org/ru/ga/27/docs/27res.shtml> (дата обращения: 29.03.2021).

которые могут приводиться в их оправдание»⁵. Тем не менее проявления терроризма в XX веке множились, усложняя борьбу с ним. К концу XX в. ООН была вынуждена также констатировать возрастающие и опасные связи между террористическими группами и торговцами наркотиками и их полувоенными бандами⁶.

Террористические акты, совершенные в США 11 сентября 2001 г. членами террористической организации Аль-Каида, вызвали возмущение во всем мире и привели к переоценке опасности терроризма, способствовали объединению государств. Оперативно отреагировал на эти преступления Совет Безопасности ООН. Были приняты резолюции, предусматривающие конкретные меры организационного и правового характера, выводящие борьбу с международным терроризмом на новый уровень⁷. Советом Безопасности ООН был создан Контртеррористический комитет, ставший координатором межгосударственной антитеррористической деятельности.

События 11 сентября 2001 г. изменили отношение к террористам. Государства стали использовать собственные вооруженные силы в борьбе с терроризмом. Так, Франция ввела новые стандарты борьбы с терроризмом, которые расширили права полиции при проведении обысков в автомобилях и домах без ордера, позволили контролировать сеть Интернет, что было воспринято французскими юристами как нарушение основополагающих прав личности⁸.

В этот период ООН продолжала попытки разрешения проблемы формулирования определения «международный терроризм». Существенный вклад в выработку подходов к определению был внесен Группой высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам, сформированной Генеральным секретарем ООН в 2003 г. Ею были даны рекомендации по поводу обязательных элементов разрабатываемого определения международного терроризма⁹. Несмотря на успешно подготовленный доклад, конкретные рекомендации, закрепленные в итоговом документе¹⁰, конвенция до сих пор не принята. Необходимо признать, что несмотря на поступательное развитие сотрудничества государств в борьбе с терроризмом, отсутствие универсального определения, признанного всеми государствами — членами ООН, служит определенного рода препятствием, что проявилось в последние годы в ситуациях, происходящих на Ближнем Востоке.

Принятие в 2006 г. Глобальной контртеррористической стратегии ООН ознаменовало собой новый этап в борьбе с международным терроризмом. Документ закрепил четыре направления деятельности государств, предусматривающих

комплексный подход к проблеме на основе «всеобщего уважения прав человека и верховенство права в качестве фундаментальной основы для борьбы с терроризмом»¹¹.

По данным ООН, в 2006 г. произошло 2729 террористических инцидентов, многие из которых имели место в Афганистане, Ираке и других районах конфликта. В 2014 г. число таких случаев возросло до 16818, что означает почти четырехкратный рост, что объясняется деятельностью международных террористических организаций, в первую очередь ИГИЛ и Аль-Каиды, которые укрепили свое положение в результате войн в Ираке, Йемене и Сирийской Арабской Республике, где они контролировали значительные территории¹².

Рост террористической активности в XXI в. предопределил роль Глобальной контртеррористической стратегии ООН 2006 г. как программного документа, определяющего основные тренды борьбы мирового сообщества с международным терроризмом в третьем тысячелетии. Ее реализация находится под пристальным контролем Генерального секретариата, который на своих сессиях один раз в два года проводит обзор ее осуществления. Среди значимых выводов, сделанных в обзорах, безусловно, можно назвать констатацию того факта, что первое десятилетие XXI в. характеризуется появлением новых видов угроз международному миру и безопасности, исходящих от терроризма.

Феномен современного терроризма характеризуется рядом важных особенностей, нашедших своевременный отклик в деятельности ООН.

Во-первых, современный терроризм преимущественно проявляется через деятельность обособленных международных террористических организаций, однако имеющими тесные связи. Более всего это относится к Аль-Каиде и ИГИЛ. Новым явлением стало стремление Аль-Каиды, а впоследствии и ИГИЛ сделать заявку на государственное строительство, и, несмотря на то что они не являются таковыми, попытаться конкурировать с государствами в отношении контроля над населением и ресурсами¹³.

Во-вторых, с точки зрения структуры эти организации кроме боевого ядра имеют автономные террористические ячейки во многих странах. Террористы-одиночки, не являясь членами террористической организации, но находясь под их идеологическим влиянием, также в любой момент готовы к совершению преступления, чему способствуют и соответствующие призывы, распространяемые через сеть Интернет. Это явление получило название «сетевой терроризм».

В-третьих, тенденция использования террористическими организациями своих связей с транснациональной организованной преступностью приняла устойчивый характер. Предметом совместной криминальной деятельности стали незаконный оборот оружия и наркотиков, торговля людьми, культурными ценностями и природными ресурсами, включая нефть и нефтепродукты, модульные нефтеперерабатывающие

⁵ См.: Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма. Принята Резолюцией № 49/60 Генеральной Ассамблеи от 09.12.1994 г. URL: <https://www.un.org/ru/ga/27/docs/27res.shtml> (дата обращения: 26.04.2021).

⁶ См.: там же.

⁷ См.: Резолюция 1373 (2001), принятая Советом Безопасности на его 4385-м заседании 28.09.2001 г. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1373\(2001\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1373(2001)) (дата обращения: 26.04.2021); Резолюция 1377 (2001), принятая Советом Безопасности на его 4413-м заседании 12.11.2001 г. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1377\(2001\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1377(2001)) (дата обращения: 26.04.2021).

⁸ См.: Олышанский Д. Психология терроризма. СПб., 2002. С. 51.

⁹ См.: Нигматуллин Р.В. Сотрудничество государств в борьбе с преступлениями международного характера в XX веке и начале XXI столетия (историко-правовой аспект). М., 2006. С. 168.

¹⁰ См.: Записка Генерального секретаря. URL: <https://undocs.org/ru/A/59/565> (дата обращения: 29.03.2021).

¹¹ Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/60/288> (дата обращения: 26.03.2021).

¹² См.: Доклад Генерального секретаря «Деятельность системы Организации Объединенных Наций по осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций». URL: <https://undocs.org/ru/A/70/826> (дата обращения: 26.03.2021).

¹³ См.: Пинчук А.Ю. Терроризм в условиях глобализации как фактор политической деструкции: политологический анализ: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2019. С. 128.

установки и принадлежности и материалы к ним, золото и другие драгоценные металлы и камни, полезные ископаемые, древесный уголь и ресурсы дикой природы, а также похищение людей с целью получения выкупа и другие виды преступлений, включая вымогательство, отмывание денег и ограбление банков, уничтожение культурного населения, совершаемое террористическими группами в некоторых государствах¹⁴. Противодействие этому сращиванию может быть успешным только при расширении сотрудничества государств на двустороннем, субрегиональном и региональном уровнях.

Обозначенные особенности отразились на практике международных террористических организаций и их сторонников. Во-первых, террористы-одиночки стали использовать для совершения преступлений низкотехнологичные средства, в частности ножи и грузовики для тарана. Продолжается совершение террористических актов террористами-самоубийцами (смертниками).

Во-вторых, для совершения террористических актов стали использовать беспилотные летательные аппараты. В сентябре 2019 г. подобная атака была осуществлена на нефтеперерабатывающие заводы государственной нефтяной компании Саудовской Аравии Saudi Aramco. Это событие еще раз подтвердило, что даже такие жизненно важные объекты невозможно эффективно защитить от террористов¹⁵. Эксперты ООН предупреждают использование в будущем для терактов и беспилотных автомобилей.

В-третьих, можно сформулировать вывод о том, что террористические организации, к сожалению, пытаются использовать в своих целях практически все социальные группы. Особое внимание международные террористические организации уделяют молодежи. Социально-экономическое положение многих стран, безработица, больше всего поразившая молодежь, отсутствие социальных лифтов, открывающих перспективы перед молодыми людьми, позволяют террористам относительно легко рекрутировать их в свои ряды.

В Обзоре Глобальной контртеррористической стратегии ООН 2016 г. отмечается практика вербовки террористами молодых людей, находящихся в исправительных учреждениях.

Мировой общественности стали известны факты превращения ИГИЛ детей в возрасте от 7 до 14 лет в боевиков и террористов-смертников¹⁶. По оценке ООН, подобные действия террористов должны рассматриваться как военные преступления или преступления против человечности. К сожалению, в условиях пандемии COVID-19 ООН стало сложнее отслеживать положение детей в условиях вооруженных конфликтов¹⁷. Возникает реальная угроза обеспечению прав ребенка,

провозглашенного как обязанность государств — членов ООН Конвенцией о правах ребенка еще в 1989 г.¹⁸

В-четвертых, акты сексуального и гендерно мотивированного насилия, по мнению ООН, являются частью стратегических целей и идеологии определенных террористических групп, которые используют такие акты как инструмент наращивания своей власти, призванный способствовать их финансированию и вербовочной деятельности и разрушать людские сообщества¹⁹.

В-пятых, террористическая война, развязанная ИГИЛ на территории Сирии, продемонстрировала увеличение численности террористов за счет притока иностранных боевиков-террористов, что затем создало дополнительную угрозу для стран происхождения и транзита террористов. По оценке ООН, ИГИЛ занимается вербовкой бойцов из более чем 80 государств, что создает потенциальную угрозу для их безопасности, когда эти бойцы после успеха сирийской армии, поддержанной российскими ВКС, стали возвращаться обратно. Террористы, вернувшись, создают спящие ячейки, которые затем совершают террористические акты либо по призыву ИГ, либо по собственной инициативе. По данным США, в 2015 г. в рядах ИГИЛ могло находиться до 5 тыс. граждан Европейского Союза в возрасте от 17 до 56 лет²⁰. По сведениям Антитеррористического центра государств — участников Содружества Независимых Государств (АТЦ СНГ), в 2020 г. за преступления террористической направленности разыскивалось 6 тыс. человек, принимающих (принимавших) участие в боевых действиях на территориях государств, не входящих в СНГ, в составе террористических, экстремистских организаций и незаконных вооруженных формирований²¹.

В-шестых, по данным Обзора Глобальной контртеррористической стратегии ООН 2016 г., «в некоторых регионах растет число случаев похищения людей и захвата заложников, совершаемых террористическими группами в самых разных целях, в том числе для получения средств или политических уступок, а средства, выплачиваемые террористам в виде выкупа, используются в качестве одного из источников финансирования их деятельности, включая новые похищения»²².

В-седьмых, особую обеспокоенность мирового сообщества вызывают настойчивые попытки террористов приобрести оружие массового уничтожения и средства его доставки. Распространение различных знаний в сети Интернет создает угрозу создания подобного оружия самой террористической организацией. Обоснованность возможности таких действий террористов подтверждаются материалами расследования,

¹⁸ См.: Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

¹⁹ См.: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 01.07.2016 г. Обзор Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/70/291> (дата обращения: 20.04.2021).

²⁰ См.: Красинский В. В., Машко В. В. Международная террористическая организация «Исламское государство». М., 2019. С. 52.

²¹ См.: «Глава Антитеррористического центра СНГ: пандемия трансформировала террористические угрозы» — интервью Андрея Новикова Информационному агентству ТАСС. URL: <https://www.cisatc.org/132/164/1240/9066> (дата обращения: 13.05.2021).

²² Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 01.07.2016 г. Обзор Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/70/291> (дата обращения: 20.04.2021).

¹⁴ См.: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 01.07.2016 г. Обзор Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/70/291> (дата обращения: 20.04.2021).

¹⁵ См.: Беспилотники использовались для атаки на крупные нефтеперерабатывающие заводы Саудовской Аравии. URL: <https://habr.com/ru/news/t/467469/> (дата обращения: 20.03.2021).

¹⁶ См.: «Львята халифата». Страшное наследие исламских террористов. URL: <https://ria.ru/20190212/1550696114.htm> (дата обращения: 21.04.2021).

¹⁷ См.: Из-за пандемии ООН стало сложнее отслеживать положение детей в условиях вооруженных конфликтов. URL: https://news.un.org/ru/story/2021/05/1402262?utm_source=UN+News++Russian&utm_campaign=ebabaa3976EMAIL_CAMPAIGN_2021_05_05_12_00&utm_medium=email&utm_term=0_6a23d2f3b7-ebabaa3976-107148801 (дата обращения: 05.05.2021).

проведенного Следственной группой Организации Объединенных Наций по содействию привлечению к ответственности за преступления, совершенные ДАИШ / «Исламским государством Ирака и Леванта». По данным следствия, ИГИЛ неоднократно применяла химическое оружие против гражданского населения в Ираке в период 2014–2016 гг., а также проводила испытания биологических средств на заключенных²³.

Террористы умело используют информационно-коммуникационные технологии. С помощью цифровых технологий совершаются преступления в сфере компьютерной информации, против жизни и здоровья человека, против собственности и др.²⁴ Международными террористическими организациями тиражируются специальные веб-сайты, интернет-магазины, предлагающие книги, аудио- и видеозаписи, другие товары экстремистского характера. «При помощи социальных сетей и новостных сайтов распространяются шокирующие фотографии и видеоролики, внушающие людям страх и ужас, среди которых наибольшую известность приобрели видеозаписи казни боевиками ИГИЛ 30 подростков, отказавшихся воевать на их стороне, а также казни пленников, названных британскими шпионами»²⁵.

Существует значительный риск того, что в предстоящие годы террористы смогут начать кибертеррористическую деятельность, которая чревата катастрофическими последствиями²⁶. Вмешательство при помощи компьютеров в деятельность государственных органов, сложные техногенные производства сами могут стать террористическим оружием. В настоящее время в мире увеличивается число общеуголовных преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий. Так, за 2020 г. в Российской Федерации их количество увеличилось с 294 до 510 тыс., или на 74%, и составило в структуре преступности уже 25%²⁷. Вынуждены согласиться с мнением, что трансграничный характер сети Интернет и, следовательно, киберпреступности означает, что правительства могут подвергаться атакам из любой точки мира, что делает правоприменение правоохранительных органов

не только сложным, но и в некоторых случаях практически невозможным²⁸.

Слабым местом межгосударственного сотрудничества в борьбе с терроризмом остается обмен оперативной информацией о деятельности террористических групп, особенно о готовящихся ими террористических актах. В этой связи в качестве положительного примера отметим взаимодействие спецслужб Российской Федерации и США. Благодаря своевременной информации, поступившей от ФБР США, 27 декабря 2019 г. в г. Санкт-Петербурге были задержаны два сторонника ИГИЛ, которые готовились к совершению террористических актов в новогодние праздники²⁹. Анализируя данную тенденцию, ряд исследователей приходят к выводу, что для успешной борьбы с организованной преступностью необходимо международное сотрудничество, которое включает в себя готовность делиться разведанными, проводить операции и собирать доказательства³⁰. В полной мере это относится и к борьбе с терроризмом.

К сожалению, в первое десятилетие XXI в. страны Европейского Союза угрозу терроризма всерьез не воспринимали. Считалось, что это проблема постсоветского пространства. По оценке западных специалистов, основной угрозой считалась организованная преступность, посягающая на финансовые интересы Европейского сообщества³¹. Как справедливо отмечает Д. Ольшанский, даже десятилетия постоянного терроризма в Ирландии, Англии, Испании, Израиле или Палестине рассматривались как локальные проблемы именно этих государств³².

Террористические акты, совершенные сторонниками «Исламского государства» в 2015 г. в Париже и в 2016 г. в Брюсселе, показали ущербность такого подхода. 14 июля 2016 г. правоохранительные органы Франции не смогли предотвратить страшное событие в Ницце. Террорист на грузовике врезался в людей на знаменитой Английской набережной.

Какие выводы из этого можно сделать? Во-первых, выше упомянутые события показали, что международно-правовые акты, разработанные Советом Европы в рамках противодействия терроризму, не были применены в достаточной степени. Речь идет о Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г.³³ и ряде последующих документов ОБСЕ. Они не стали программными документами для

²³ См.: Письмо Специального советника и главы Следственной группы Организации Объединенных Наций по содействию привлечению к ответственности за преступления, совершенные ДАИШ / «Исламским государством Ирака и Леванта», от 01.05.2021 г. на имя Председателя Совета Безопасности. URL: https://www.un.org/sc/ctc/wp-content/uploads/2018/11/N1837466_RU.pdf (дата обращения: 05.05.2021).

²⁴ См.: Галимханов А. Б., Халиуллина А. Ф. Порядок обнаружения, изъятия и фиксации цифровых следов преступления // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4 (62). С. 40.

²⁵ Милецкий В. П. Международный терроризм: политико-правовое измерение теории и практики противодействия // Все-росс. криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 183.

²⁶ См.: Доклад Генерального секретаря «Деятельность системы Организации Объединенных Наций по осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций». URL: <https://undocs.org/ru/A/70/826> (дата обращения: 26.03.2021).

²⁷ См.: Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов выступил с докладом в Совете Федерации // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации // <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=61267146> (дата обращения: 05.05.2021).

²⁸ См.: Rick Sarre, Laurie Yiu-Chung Lau, Lennon Y.C. Chang (2018) Responding to cybercrime: current trends, Police Practice and Research, 19:6, 515–518. DOI: 10.1080/15614263.2018.1507888. Available at: <https://doi.org/10.1080/15614263.2018.1507888>. P. 516.

²⁹ См.: Заседание коллегии ФСБ. 20.02.2020 г., Москва. URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/62834> (дата обращения: 05.05.2021).

³⁰ См.: Phil Kowalick, David Connery, Rick Sarre (2018) Intelligence-sharing in the context of policing transnational serious and organized crime: a note on policy and practice in an Australian setting, Police Practice and Research, 19:6, 596–608. DOI: 10.1080/15614263.2018.1507899. Available at: <https://doi.org/10.1080/15614263.2018.1507899>. P. 597.

³¹ См.: Combating Transnational Crime. Concepts, Activities and Responses / ed. by Ph. Williams and D. Vlassis. London – Portland, 2001. P. 276.

³² См.: Ольшанский Д. Указ. соч. С. 202.

³³ См.: Федеральный закон от 24.03.2006 г. «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» // СЗ РФ. 2006. № 17 (ч. I), ст. 1785.

правоохранительных органов стран Западной Европы³⁴. Контртеррористическая сеть ОБСЕ, национальные правоохранительные органы показали свою неэффективность. Во-вторых, теракты продемонстрировали слабость информационно-аналитической системы обеспечения борьбы с преступностью, несмотря на ввод в действие Шенгенской информационной системы второго поколения.

В-третьих, анализ данных о личностях террористов, установленных в последствии правоохранительными органами европейских стран, позволяет предположить низкую эффективность обмена информацией между правоохранительными органами государств ЕС. Большинство установленных террористов привлекались к уголовной ответственности, некоторые выезжали в Сирию для террористической деятельности в рядах ИГИЛ. Данные об их криминальной деятельности не являлись секретом, но почему-то не воспринимались как угроза для собственных стран. Видимо, следует признать, что государственные органы европейских государств в эти годы не осознавали опасность террористов, объединившихся в рядах ИГИЛ, исходили из того, что мигранты во втором поколении в большинстве прониклись идеями мультикультурализма, а террористические преступления могут совершать только в других странах. Соответственно, обмен информацией о подозрительной деятельности своих граждан, находящихся в поле зрения полиции, с коллегами из других европейских государств не осуществлялся. Этот факт в какой-то мере объясняют результаты социологического исследования стратегических руководителей полиции европейских государств. Многие респонденты сообщили о более тесных отношениях со своими коллегами по уголовному правосудию, такими как прокуроры, чем со своими коллегами из полиции³⁵, т.е. общеевропейская полицейская деятельность еще не сформировалась. На наш взгляд, в условиях борьбы с сетевым терроризмом все государства должны усилить пограничный контроль и обмен соответствующей информацией для выявления поездок лиц, имеющих террористические намерения.

Вызывает также недоумение отсутствие реакции властей европейских государств на существующую возможность легального приобретения оружия без какой-либо проверки покупателя. В результате свободный доступ к оружию, в том числе к т.н. выхолощенному, более дешевому, чем боевое, которое легко превращается вновь в боевое, получают и лица, ранее попавшие в поле зрения полиции как участники террористических актов или склонные к такой противоправной деятельности. В последнее время появилась информация, что западные политики обратили внимание на эту проблему: политики ФРГ готовят проект закона, ограничивающего доступ жителей к гражданскому огнестрельному оружию.

Региональные организации, на наш взгляд, должны свои действия выстраивать исходя из тех параметров, что заданы важнейшим документом, принятом на универсальном уровне. Несомненно, имеется в виду Глобальная контртеррористическая стратегия ООН. Примером такого подхода является деятельность АТЦ СНГ, который в марте 2022 г. провел XV Сопровождение руководителей (начальников штабов) национальных контртеррористических центров государств — участников СНГ

на тему «Контртеррористическое сотрудничество государств Содружества в условиях меняющейся международной обстановки». В Итоговом документе совещания намечены конкретные пути повышения эффективности взаимодействия компетентных органов стран Содружества³⁶.

В 2017 г. Генеральная Ассамблея ООН учредила Контртеррористическое управление³⁷. Оно разделено на пять организационных подразделений: 1) Канцелярия заместителя Генерального секретаря — главы Контртеррористического управления; 2) Контртеррористический центр ООН; 3) Сектор специальных проектов и инноваций; 4) Сектор политики, управления знаниями и координации; 5) Секция стратегического планирования и поддержки программ.

Руководителем Контртеррористического управления в ранге Заместителя Генерального секретаря ООН назначен российский дипломат В.И. Воронков. Управление занимается не только текущей работой в противодействии террору, но и перспективным планированием, пополнением бюджета, контролирует эффективность реализации проектов, выстраивает менеджмент.

ООН настоятельно рекомендует активизировать контрпропагандистскую кампанию противодействия идеологическим усилиям ИГИЛ, Аль-Каиды и связанных с ними лиц. «Идеология как фактор институционализации терроризма играет особую роль в части формирования мобилизационного ресурса террористических объединений, осуществляемая через провозглашение целей, затрагивающих интересы общества, что презентуется, как оправдание на осуществление насильственных мер в настоящем»³⁸.

Подтверждается необходимость активизации диалога между должностными лицами государств-членов, занимающимися борьбой с терроризмом, включая сотрудников правоохранительных органов и подразделений финансовой разведки, в целях укрепления международного, регионального и субрегионального сотрудничества и расширения осведомленности о Стратегии в интересах противодействия терроризму³⁹.

23 февраля 2018 г. Генеральным секретарем ООН был подписан Глобальный договор ООН по координации контртеррористической деятельности, согласованный с главами 36 подразделений ООН, а также Интерполом и Всемирной таможенной организацией⁴⁰. Это основа координации деятельности структур ООН, борющихся с терроризмом. Как отмечают

³⁶ См.: О XV Совещании руководителей (начальников штабов) национальных контртеррористических центров государств — участников СНГ и заседании НКС при АТЦ СНГ. URL: <https://www.cisatc.org/1289/133/1259/9116> (дата обращения: 11.04.2022).

³⁷ См.: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 15.06.2017 г. Укрепление потенциала системы Организации Объединенных Наций по оказанию государствам-членам поддержки в осуществлении Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций. URL: <https://undocs.org/pdf/symbol=ru/a/res/71/291> (дата обращения: 20.04.2021).

³⁸ Пинчук А. Ю. Указ. соч. С. 131.

³⁹ См.: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 01.07.2016 г. Обзор Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций. URL: <https://undocs.org/pdf/symbol=ru/A/RES/70/291> (дата обращения: 20.04.2021).

⁴⁰ См.: Глобальный договор ООН по координации контртеррористической деятельности. URL: <https://www.un.org/counterterrorism/ru/global-ct-compact> (дата обращения: 14.04.2021).

³⁴ См.: Решение № 1063. Консолидированная концептуальная база ОБСЕ для борьбы с терроризмом. URL: <https://www.osce.org/files/f/3/98542.pdf> (дата обращения: 18.04.2021).

³⁵ См.: Tullio Caputo (2016) Leading policing in Europe: an empirical study of strategic police leadership, *Police Practice and Research*, 17:6, 597–599. DOI: 10.1080/15614263.2016.1221518. Available at: <https://doi.org/10.1080/15614263.2016.1221518>. P. 598.

специалисты, привлечение лиц, причастных к организации или занимающихся подготовкой террористических актов, к уголовной ответственности представляет собой важную меру противодействия международному терроризму⁴¹.

Борьба с терроризмом предполагает усилия государств по обеспечению прав человека в самом широком спектре деятельности. Со временем проблема нахождения баланса между интересом государства в борьбе с терроризмом и интересом государства по обеспечению прав человека приобрела значительный масштаб. Так, специальный докладчик ООН по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом Фиюннуала Ни Аолайн констатировала тяжелые условия, в которых находятся женщины и дети в лагерях на северо-востоке Сирии: «Женщины и дети подвергаются произвольному задержанию в ситуации, которая соответствует порогу пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения в соответствии с международным правом»⁴².

Помощник Генерального секретаря ООН и Исполнительный директор Контртеррористического комитета Мишель Конинкс отметила стремление ИГИЛ активно осваивать новые страны. В последние годы, по ее словам, филиалы этой террористической группировки появились в Южной и Юго-Восточной Азии, в регионе Сахель, в государствах бассейна озера Чад, а также в государствах Южной и Восточной Африки⁴³.

Экономический кризис и обнищание значительной части населения как последствия пандемии COVID-19 могут привести к появлению новых террористических тенденций и угроз. В ходе Виртуальной контртеррористической недели, организованной в июле 2020 г. Контртеррористическим управлением ООН под лозунгом «Стратегические и практические проблемы противодействия терроризму в условиях глобальной пандемии», наряду с био- и кибертерроризмом, угрозами и тенденциями, связанными с высокой степенью риска, рассмотрением тяжелого положения жертв терроризма, передовых программ ООН по борьбе с терроризмом были рассмотрены права человека, противодействие финансированию терроризма, молодежные инициативы по построению устойчивого общества и роль гражданского общества, средств массовой информации в предотвращении экстремизма⁴⁴.

Значительным шагом в контртеррористической деятельности стал XIV Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, который состоялся с 7 по 12 марта 2021 г. в г. Киото (Япония) в гибридном формате. Конгресс принял Киотскую декларацию «Активизация мер предупреждения преступности, уголовного правосудия и обеспечения

верховенства права: навстречу осуществлению Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»⁴⁵.

Министр внутренних дел РФ В.А. Колокольцев в своем выступлении на конгрессе обратил внимание на необходимость наращивания усилий по перекрытию каналов подпитки террористических группировок, пресечению распространения экстремистской пропаганды⁴⁶.

ООН также обращает внимание на связь экстремизма и терроризма и считает, что человека можно остановить на пути его «превращения» в террориста. В этой связи особого внимания требует такой феномен, как утечка информации. Зарубежная статистика утверждает, что в 79% случаев другие люди были осведомлены о приверженности того или иного лица экстремистской идеологии; в 64% — членам семьи и друзьям было известно о конкретном намерении того или иного лица участвовать в террористической деятельности; и в 58% случаев другие люди знали специфику подготовки террориста-одиночки к нападению⁴⁷.

Контртеррористическое управление ООН сообщило о создании в г. Дохе (Катар) исследовательского центра, изучающего поведенческие признаки⁴⁸. Его задачей станет создание методик по выявлению тех моментов, когда человек уже вступает на путь, который ведет не только к радикализации, но и к готовности осуществлять теракты.

* * *

Только такой всеобъемлющий подход, тесное сотрудничество государств в выполнении всех четырех компонентов Глобальной контртеррористической стратегии ООН позволит эффективно противодействовать терроризму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галимханов А.Б., Халиуллина А.Ф. Порядок обнаружения, изъятия и фиксации цифровых следов преступления // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4 (62). С. 40.
2. Красинский В.В., Машко В.В. Международная террористическая организация «Исламское государство». М., 2019. С. 52.
3. Милецкий В.П. Международный терроризм: политико-правовое измерение теории и практики противодействия // Всеросс. криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 183, 185.
4. Нигматуллин Р.В. Сотрудничество государств в борьбе с преступлениями международного характера в XX веке и начале XXI столетия (историко-правовой аспект). М., 2006. С. 168.
5. Олшанский Д. Психология терроризма. СПб., 2002. С. 51, 202.

⁴¹ См.: Милецкий В.П. Указ. соч. С. 185.

⁴² Эксперт ООН призывает государства положить конец политике и практике борьбы с терроризмом, наносящей вред женщинам, девочкам и семье. URL: <https://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=26844&LangID=E> (дата обращения: 14.04.2021).

⁴³ См.: Террористы осваивают киберпространство и вербуют «одиночек». URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/01/1394092> (дата обращения: 14.04.2021).

⁴⁴ См.: Стартовала контртеррористическая неделя ООН по борьбе с терроризмом в условиях пандемии. URL: https://iacis.ru/novosti/postoyannye_komissii/startovala_mezhdunarodnaya_virtualnaya_kontterroristicheskaya_nedelya_oon_po_borbe_s_terrorizmom_v_usloviyah_globalnoj_pandemii.

⁴⁵ См.: Официальный сайт МГИМО // <https://mgimo.ru/about/news/main/kyoto-congress/>

⁴⁶ См.: Владимир Колокольцев выступил на XIV Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/news/item/23344408/> (дата обращения: 14.04.2021).

⁴⁷ См.: Miss Menna Rose, John Morrison (2021). An exploratory analysis of leakage warning behavior in lone-actor terrorists, Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression. DOI: 10.1080/19434472.2021.1900325. Available at: <https://doi.org/10.1080/19434472.2021.1900325>. P. 1.

⁴⁸ См.: Как становятся террористами — в ООН создан Центр поведенческого анализа. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/12/1391962> (дата обращения: 14.04.2021).

6. Пинчук А.Ю. Терроризм в условиях глобализации как фактор политической деструкции: политологический анализ: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2019. С. 128, 131.
7. Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.
8. Boaz Ganor (2002) Defining Terrorism: Is One Man's Terrorist another Man's Freedom Fighter? *Police Practice and Research*, 3:4, 287–304. DOI: 10.1080/1561426022000032060. Available at: <https://doi.org/10.1080/1561426022000032060>. P. 288.
9. Combating Transnational Crime. Concepts, Activities and Responses / ed. by Ph. Williams and D. Vlassis. London – Portland, 2001. P. 276.
10. Miss Menna Rose, John Morrison (2021). An exploratory analysis of leakage warning behavior in lone-actor terrorists, *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. DOI: 10.1080/19434472.2021.1900325. Available at: <https://doi.org/10.1080/19434472.2021.1900325>. P. 1.
11. Phil Kowalick, David Connery, Rick Sarre (2018) Intelligence-sharing in the context of policing transnational serious and organized crime: a note on policy and practice in an Australian setting, *Police Practice and Research*, 19:6, 596–608. DOI: 10.1080/15614263.2018.1507899. Available at: <https://doi.org/10.1080/15614263.2018.1507899>. P. 597.
12. Rick Sarre, Laurie Yiu-Chung Lau, Lennon Y.C. Chang (2018) Responding to cybercrime: current trends, *Police Practice and Research*, 19:6, 515–518. DOI: 10.1080/15614263.2018.1507888. Available at: <https://doi.org/10.1080/15614263.2018.1507888>. P. 516.
13. Tullio Caputo (2016) Leading policing in Europe: an empirical study of strategic police leadership, *Police Practice and Research*, 17:6, 597–599. DOI: 10.1080/15614263.2016.1221518. Available at: <https://doi.org/10.1080/15614263.2016.1221518>. P. 598.
3. Miletsky V.P. International terrorism: the political and legal dimension of the theory and practice of counteraction // *All-Russian Criminological Journal*. 2017. Vol. 11. No. 1. P. 183, 185 (in Russ.).
4. Nigmatullin R.V. Cooperation of states in the fight against international crimes in the twentieth century and the beginning of the XXI century (historical and legal aspect). М., 2006. P. 168 (in Russ.).
5. Olshansky D. Psychology of terrorism. SPb., 2002. P. 51, 202 (in Russ.).
6. Pinchuk A. Yu. Terrorism in the conditions of globalization as a factor of political destruction: political analysis: dis. ... Doctor of Political Sciences. М., 2019. P. 128, 131 (in Russ.).
7. Collection of international treaties of the USSR. 1993. Issue XLVI (in Russ.).
8. Boaz Ganor (2002) Defining Terrorism: Is One Man's Terrorist another Man's Freedom Fighter? *Police Practice and Research*, 3:4, 287–304. DOI: 10.1080/1561426022000032060. Available at: <https://doi.org/10.1080/1561426022000032060>. P. 288.
9. Combating Transnational Crime. Concepts, Activities and Responses / ed. by Ph. Williams and D. Vlassis. London – Portland, 2001. P. 276.
10. Miss Menna Rose, John Morrison (2021). An exploratory analysis of leakage warning behavior in lone-actor terrorists, *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. DOI: 10.1080/19434472.2021.1900325. Available at: <https://doi.org/10.1080/19434472.2021.1900325>. P. 1.
11. Phil Kowalick, David Connery, Rick Sarre (2018) Intelligence-sharing in the context of policing transnational serious and organized crime: a note on policy and practice in an Australian setting, *Police Practice and Research*, 19:6, 596–608. DOI: 10.1080/15614263.2018.1507899. Available at: <https://doi.org/10.1080/15614263.2018.1507899>. P. 597.
12. Rick Sarre, Laurie Yiu-Chung Lau, Lennon Y.C. Chang (2018) Responding to cybercrime: current trends, *Police Practice and Research*, 19:6, 515–518. DOI: 10.1080/15614263.2018.1507888. Available at: <https://doi.org/10.1080/15614263.2018.1507888>. P. 516.
13. Tullio Caputo (2016) Leading policing in Europe: an empirical study of strategic police leadership, *Police Practice and Research*, 17:6, 597–599. DOI: 10.1080/15614263.2016.1221518. Available at: <https://doi.org/10.1080/15614263.2016.1221518>. P. 598.

REFERENCES

1. Galimkhanov A.B., Khaliullina A.F. The procedure for detecting, removing and fixing digital traces of a crime // *The Rule of Law: theory and practice*. 2020. No. 4 (62). P. 40 (in Russ.).
2. Krasinsky V.V., Mashko V.V. International Terrorist Organization “Islamic State”. М., 2019. P. 52 (in Russ.).

Сведения об авторах

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права и международных отношений Института права Башкирского государственного университета; 450005 г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131

СУЛЕЙМАНОВА Римма Рифхатовна — кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и связей с общественностью факультета философии и социологии Башкирского государственного университета; 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32

НАСЫРОВА Елена Валерьевна — кандидат политических наук, доцент кафедры интегрированных коммуникаций и рекламы факультета рекламы и связей с общественностью Российского государственного гуманитарного университета; 125047 г. Москва, Миусская площадь, д. 6

Authors' information

NIGMATULLIN Rishat V. — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law and International Relations of the Institute of Law of Bashkir State University; 131 Dostoevsky str., 450005 Ufa, Russia

SULEYMANOVA Rimma R. — Candidate of Philosophical Sciences, associate Professor of the Department of Political Science and Public Relations of the Faculty of Philosophy and Sociology of Bashkir State University; 32 Zaki Validi str., 450076 Ufa, Russia

NASYROVA Elena V. — Candidate of Political Sciences, associate Professor of the Department of Integrated Communications and Advertising of the Faculty of Advertising and Public Relations of the Russian State University for the Humanities; 6 Miusskaya square, 125047 Moscow, Russia